Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНАРЬ СЕНТ-БРАЙДА

КНИГА ВТОРАЯ

Алекс Вестфорд
Последний звонарь Сент-Брайда

https://litres.ru/74747013
SelfPub; 2026

Аннотация

Декабрь 1932 года. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид приезжают в Сент-Брайд за старой книгой постояльцев: в ней может сохраниться след Элеоноры Вейл, исчезнувшей восемь лет назад. Звонарь Эймос Саттон обещает помочь, но вечером его находят мёртвым на лестнице церковной башни. Расшатанный поручень, разбитый фонарь и масло на камне подсказывают простое объяснение. Однако расписания не сходятся, рассказам о поздней репетиции недостаёт очевидцев, а в бумагах старика обнаруживается память о мальчике, погибшем на дороге. Пока приход готовится к Рождеству, Уитмору и Риду предстоит выяснить, кто изменил место смерти и почему разговор, которого ждали пять лет, так и не состоялся.

Содержание

Последний звонарь Сент-Брайда	4
Глава 1. Письмо до востребования	5
Глава 2. Свет под лестницей	20
Глава 3. Шесть верёвок	30
Глава 4. Книга Мэй Саттон	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алекс Вестфорд Последний звонарь Сент-Брайда

Последний звонарь Сент-Брайда

Алекс Вестфорд

Глава 1. Письмо до востребования

На почте Сент-Брайда Рид оказался виноват прежде, чем успел снять шляпу. Он придержал дверь женщине с большой коробкой, пропустил её вперёд, и в следующую секунду конец шпагата захлестнул крючок на его пальто.

— Не тяните, — сказала женщина.

— Я и не тяну.

— Тогда почему оно едет ко мне?

Уитмор освободил крючок. Коробку поставили на прилавок. Из-за перегородки показалась темноволосая женщина в очках и посмотрела на всех троих с выражением человека, которому опять принесли нечто, превышающее допустимый размер.

— Если это торт, миссис Талл, его нельзя класть боком.

— Это не торт. Я бы не доверила вам торт. Формы для свечей.

Она назвала адрес, и служащая взяла бланк. Рид отступил к двери, предоставляя инспектору возможность начинать серьёзный разговор без привязанных к пальто хозяйственных предметов.

Они приехали в пятницу, девятого декабря. На рыночной улице продавали зелёные ветки, мокрый картофель и рождественские открытки. Рид оставил машину у сапожной мастерской и только потом заметил, что загородил половину

витрины. Пока переставлял, Уитмор успел замёрзнуть. Теперь в почтовой конторе было так тепло, что пальцы болели в перчатках.

Посетительница расплатилась и повела коробку к выходу на коротком поводке из шпагата. За дверью снова пришлось помогать. Уитмор подождал, пока Рид вернётся.

— Мисс Беннетт? Мы писали вам из окружного управления.

Женщина сняла очки.

— Элис Беннетт. Да. Ваше письмо здесь.

Она вынула конверт из ячейки за спиной. Увидев удостоверение, не изменилась в лице, но придвинула к себе лежавший на краю счёт, словно тот вдруг стал более личным.

— Сразу скажу: я тогда ещё не работала в этой конторе. В двадцать четвёртом здесь были мистер Форд и его дочь. Мистер Форд умер, дочь уехала. Я вам это написала, но вдруг письмо не дошло.

— Дошло. Спасибо. Мы надеялись уточнить несколько вещей на месте.

— Если по письму до востребования, записей за то время у нас нет. Я искала. Не хочу, чтобы вы снова искали, а я стояла и смотрела, как будто просто поленилась.

Уитмор развязал папку. На копии старой записки короткие строки Элеоноры были увеличены фотографом; в этом чужом масштабе знакомый почерк потерял лёгкость. Инспектор положил лист на прилавок.

— Вы знаете дом или людей, у которых она могла остановиться? Женщина приезжая, двадцати шести лет. Возможно, ненадолго.

Элис посмотрела на фамилию, затем на адрес.

— Имени не помню. В то время приезжих принимали у станции, у миссис Портер и у Саттонов. Ещё в гостинице, конечно, но там дороже.

— Саттоны здесь?

— Он здесь. Мэй умерла два года назад.

Она заглянула за перегородку, будто проверяла, нет ли следующего посетителя. В конторе было пусто.

— У Мэй всё записывалось. Я иногда приносила ей деньги от сестры и ждала, пока она найдёт правильную графу. Если кто и оставил книгу за двадцать четвёртый, так это она. Только Эймос не любит, когда у него в вещах копаются.

— Мы спросим.

— Сейчас он в церкви. По пятницам с утра там. Приготовления, потом звон. Я тоже приду. Начальница подменит меня на время репетиции, потом вернусь закрывать окошко. Только Стэнли должен принести свои посылки заранее, иначе сам же из-за них опоздает.

Рид спросил, не неудобно ли уходить со службы на репетицию. Элис надела очки.

— Меня подменят, я же сказала. А Стэнли любит, чтобы его посылки принимала именно я. Он сегодня обещал явиться раньше закрытия своей лавки и ждёт за это особой бла-

годарности. Впрочем, не пишите в полицейскую книжку. У нас и без вас хватает поводов поругаться.

Сержант улыбнулся и убрал карандаш.

От почты к церкви вела короткая улица, на которой ветер почему-то дул сразу с обоих концов. Уитмор придерживал шляпу. Рид нёс папку под полой пальто, прикрывая от мороси.

— Она не боится полиции, — заметил он.

— Боится, что её сочтут нерадивой.

— Я бы на её месте боялся коробки со свечными формами. Её поставили на весы, они ещё качались, когда мы ушли.

У ограды торговец разгружал падуб. Рядом мальчик держал пустую корзину и каждый раз отступал, когда колючие ветки поворачивались в его сторону. На воротах висела свежая афиша рождественского вечера. Ниже, под стеклом, стояла приходская неделя: службы, сбор пожертвований, репетиция хора и звонарей.

Рид прочитал время и посмотрел на свои часы.

— Если он занят до вечера, придётся ждать.

В притворе было ещё холоднее, чем на улице. Вдоль стены стояли ящики со свечами, лестница и большая жестяная маслёнка. Из нефа слышался женский голос:

— На венок этого не хватит. На венок и половины не хватит.

— Тогда сделайте маленький, — ответил мужчина.

— На ваших воротах маленький венок будет выглядеть

так, будто его повесили по ошибке.

Уитмор прошёл внутрь. Седой человек в жилете держал моток верёвки. Женщина возле него перебирала ветки; подол её тёмной юбки намок. Мужчина заметил полицейских и тотчас перекинул моток из одной руки в другую.

— Памятники осматривать? Парсонс сказал, раньше трёх никто не придёт.

— Инспектор Уитмор. Мы к мистеру Саттону.

— Вот он.

Человек назвал это без радости. У него было длинное лицо, сильно выступавший нос и седые брови, которые делали даже спокойный взгляд сердитым. Женщина положила ветки.

— Я пойду, Эймос. Эти оставлю. За новые сами договаривайтесь.

— Марта, я не сказал, что…

Она уже шла к выходу. Инспектор посторонился. Саттон проследил за ней, потом снова посмотрел на полицейских.

— Если насчёт башни, сразу говорю: ничего не трогайте без меня. Там новички за одну минуту себе беды наделают.

Уитмор объяснил, зачем они приехали. Услышав о Мэй, старик опустил моток на скамью и погладил ладонью верёвку.

— Книга была. Не одна. У неё каждой бумаге место. Я теперь открою шкаф — и не знаю, с какого конца начинать. Как фамилия?

— Элеонора Вейл.

Саттон повторил фамилию. Ничего в его лице не подсказало, что он узнал её.

— Она одна была?

— Мы и это хотим выяснить.

— Тогда пока не говорите мне, кого вы там ищете ещё. Начну вспоминать за вас, а потом сам поверю.

Он говорил раздражённо, как будто полицейские виноваты в том, что люди стареют и путаются в собственных шкафах.

Уитмор предложил прийти вместе. Саттон покачал головой.

— Сейчас не могу. У меня вверху верёвка перетёрлась, Парсонс обещал человека, а привёл мальчишку с гвоздями. После звона посмотрю. Вы где остановились?

— Пока нигде.

— В «Вязовой ветви» места есть. Скажите, от меня. Комнаты там маленькие, зато кормят не тем, что оставили от воскресенья.

Рид записал название гостиницы. Старик заметил и добавил:

— Но не пишите, будто я знаю эту Вейл. Сначала посмотрю.

Из-за двери под галереей вышла девушка с матерчатой сумкой. За ней — мужчина в тёмном пальто, по возрасту чуть моложе инспектора. Девушка остановилась при виде

незнакомых людей, мужчина сразу подошёл.

— Добрый день. Чарльз Латимер. Могу помочь?

— Мы разыскиваем старые сведения о приезжей, — сказал Уитмор. — Мистер Саттон уже обещал посмотреть.

— Тогда вы нашли нужного человека. Он помнит здесь даже тех, кого никогда не видел.

Саттон не улыбнулся.

Девушка попыталась передать Латимеру сумку.

— Папа, вот. Я у Уилкса забрала. Только не брось опять под органом, там отсыреет.

— Поставь на скамью, Эллен.

— Мне потом за ней возвращаться?

— Нет-нет, я сам. Спасибо.

Латимер откинул пальто. На нём был хорошо сидевший, уже не новый костюм. Он говорил мягко, смотрел прямо и легко пропускал мимо себя чужое недовольство. В первые минуты это располагало. Уитмор заметил, что Саттона та же манера только злит.

— Репетиция сегодня в половине шестого? — спросил Рид, глядя на объявление у двери.

— Перенесли, — отозвался старик. — На без четверти пять. Внутри написано.

Он указал на маленькую доску возле лестницы. К листу прикололи узкую полоску бумаги с исправлением. На старом времени лежали две густые чернильные черты.

— А хор после нас. Мы им мешаем, они нам. Какую-ни-

будь стену бы между нами, так ведь уже есть — мало помогает.

— Я слышу, Эймос, — сказала женщина у первых рядов.

Она разбирала стопку нотных тетрадей. Латимер повернулся к ней:

— Мисс Коул, вы помните, что сегодня раньше?

— Помню. Родителям записки раздали. Кому забыли — тот придёт к прежнему времени и будет доволен, что ребёнок уже свободен.

По боковому проходу к ним приблизился плотный мужчина с красным лицом. По виду он успел хорошо пообедать, но продолжал торопиться, словно за это время кто-нибудь успел решить важное без него.

— Парсонс, — представился он. — Староста. Прошу прощения, у нас тут немного беспорядок. Если хотите осмотреть памятники, сначала договоримся о свете.

Пришлось объяснить ещё раз. Парсонс кивал слишком часто.

— Конечно. Старые книги нужно беречь. Говорил я ему. Эймос, они же у тебя в сухом месте?

— В моём доме сухо.

— Я не это имел в виду.

— Знаю, что ты имел в виду.

Уитмор стал застёгивать пальто, но Саттон попросил Рида помочь переставить небольшой стол. На нём лежали картонки, две фотографии и блюдце с обрезками шпагата. Сержант

взялся за край, старик тотчас остановил:

— Так столешница и лопнет. За ножку берите. Я сам бы перенёс, только потом Симс опять расскажет, чего мне нельзя.

Переставили к свету. Саттон подложил под короткую ножку сложенную открытку, поглядел, не качается ли. Парсонс заметил, что стол следовало бы давно выровнять. Старик ответил, что выровняет, когда тот перестанет каждый день требовать переставлять его на другое место.

— Это для рождественской продажи, — объяснил он Риду, кивнув на фотографии. — Книжечку делаем про церковь. Не про чудеса, а кто тут что менял. На колокольню все смотрят, а как внизу воду отводили, никто не помнит. Потом спрашивают, почему камень мокрый.

На одном снимке двое мужчин стояли возле вынутой плиты. У обоих были усатые сердитые лица, из-за долгого позирования или по иной причине. Саттон показал, где лежала старая труба. Рид сначала не понял, затем различил на снимке тёмную канаву.

— Вы это делали?

— Помогал. Молодой был. Мне велели таскать, пока другие будут знать. Потом всю жизнь таскал и знал понемногу.

Он перевернул снимок, собираясь что-то показать, и нахмурился: подпись закрывала нужную часть оборота.

— Кто сюда наклеил? Я же просил не клеить.

Мириам подняла голову от тетрадей.

— Вы вчера сами приклеили, мистер Саттон. Сказали, если не приклеить, потеряется.

— Вчера это было на другом листе.

— Вы переложили.

Рид отвернулся к столу, чтобы улыбка не стала насмешкой. Саттон посмотрел на картон, почесал бровь и сказал, что снимать теперь всё равно не нужно, испортят. Придётся написать сведения рядом. Саттон убрал клей подальше, чтобы никто не принялся исправлять.

Парсонс достал из кармана сложенную бумагу. Внизу будущей обложки собирались поместить список лавок, давших деньги на печать. Венн просил напечатать название его магазина крупнее остальных, потому что внёс больше. Староста считал просьбу разумной. Мириам спросила, останется ли на обложке место для названия самой книжки.

— Вот, — сказал Саттон сержанту. — Людям пятьдесят лет, а всё нужно на кончик скамьи усесться. Чтобы первым быть.

— Венн оплатил часть работы, — напомнил Парсонс.

— Я не против, чтобы он оплатил.

Рид невольно усмехнулся. Старик заметил и оживился, принял это за согласие. Стал объяснять, как правильно расположить имена, не спросив, знает ли сержант что-нибудь о печати. Уитмор видел, что Рид уже ищет вежливый способ отойти, и попросил показать вторую фотографию.

На ней стояли шесть звонарей. Саттон назвал всех по по-

рядку. Себя — последним, хотя находился у края. Тогда брови у него были тёмные, жилет застёгнут до самого горла.

— Кроме меня, никого не осталось, — сказал он. — От прежнего состава. Элис всё просит подписать, кто где. Сделаю. Я сам ещё знаю, а после меня решат, что это шесть пасторов.

— Я не решу, — отозвалась Мириам.

— Так вы не после меня.

Он произнёс это без торжественности, занятый выравниванием фотографии. Инспектор посмотрел на старика и впервые подумал не о том, помнит ли он Элеонору, а о том, сколько других людей ему приходится помнить в одиночку. Саттон, вероятно, счёл бы такую мысль приглашением к ещё одному рассказу. Уитмор промолчал.

Эллен, проходя мимо, подала старику ножницы. Он попросил нарезать шпагат, объяснил длину, затем всё-таки забрал ножницы, чтобы показать.

— Я умею, — сказала девушка.

— Знаю. Только по-разному умеют.

Она отпустила ручку и отошла. Рид перехватил конец мотка, не давая ему съехать со стола. Старик, сделав три совершенно одинаковых отрезка, вдруг посмотрел вслед Эллен.

— Тётя моя тоже говорила: сама покажу, быстрее. Всё показывала. Потом я уже боялся при ней хоть что-нибудь начинать.

— Ножницы отдать? — спросил сержант.

Саттон хмуро положил их на стол.

— Положите. Найдёт.

Он заговорил о Мэй. Не о её смерти — о том, как она вела дом. У каждого гостя спрашивала заранее, рано ли нужно вставать, сколько воды подогреть, не будет ли неудобно соседям. Эймос злился, говорил, постояльцы и так за удобство платят. Мэй отвечала, что удобство каждый понимает по-своему. Одна женщина не ела за общим столом, пока хозяйка не перестала спрашивать почему. После этого прожила у них две недели и сама пришла попрощаться.

— Это была мисс Вейл? — спросил Уитмор.

— Нет, гораздо раньше. Фамилии не помню. Я про Мэй вам говорю. Не всё, что я скажу, в вашу книжку.

Инспектор извинился. Саттон кивнул, приняв извинение без смягчения.

Парсонс напомнил о человеке, которого ожидали днём. Старик собрал фотографии в картонную папку и поднял моток. Под столом остался узкий обрезок верёвки. Рид нагнулся подобрать; Саттон сказал, что это на выброс, затем всё-таки взял и убрал в жилетный карман.

— Для ключа пойдёт, — объяснил он. — Вечно у кого-нибудь кольцо ломается.

Уитмор ещё раз назвал гостиницу и попросил не тащить все тетради, если они окажутся тяжёлыми: можно будет прийти за ними. Саттон ответил, что сам разберётся, сколь-

ко нести. Потом добавил, уже тише, что с просьбой они не опоздали: Мэй не любила выбрасывать старое, и он после неё ничего не разбирал окончательно. Если книга цела, найдётся.

Инспектор поблагодарил и отступил от стола. За обыкновенным разговором о верёвках и бумагах обнаружилось несколько отдельных ссор, в которые его пока не приглашали.

Латимер проводил их до притвора. За спиной Эллен что-то сказала отцу о сумке; он ответил, не оборачиваясь, что помнит.

— Не обижайтесь на Саттона, — произнёс органист тише. — Он всегда так встречает незнакомых. В последний год особенно.

— Из-за жены?

Латимер помедлил.

— Возможно. И потому, что ему не нравится, как всё меняется. У нас теперь зовут молодых звонарей, а он слышит в этом предложение уйти. Никто его не гонит.

У двери мимо прошла Марта с пустой корзиной. Латимер кивнул ей. Она ответила, но задерживать шаг не стала.

В гостинице их поселили на втором этаже, в комнатах по разные стороны коридора. Хозяин показал, как закрывается форточка, и дважды предупредил про утреннюю горячую воду. Из окна Уитмора была видна башня. На её циферблате шевелились чёрные стрелки; на кладке темнела полоса, где

недавно шёл дождь.

Рид принёс из машины папку.

— Останемся до завтра?

— Если найдётся книга, надо будет её просмотреть.

— Я всё ещё надеюсь, что старая история однажды даст нам что-нибудь, кроме новой истории про старую мебель.

Он сел на край стула и тут же поднялся: сиденье оказалось продавленным.

Уитмор разложил ответы на запросы. На одном листе писали, что книга поступила продавцу позднее предполагаемого отъезда покупательницы. На другом — что данные о вручении письма не сохранились. Ни один из двух ответов не был бесполезным, но после трёх недель ожидания инспектору хотелось большего. Он представил, как Эстер читает его короткое сообщение и ищет в нём то, чего он не написал.

— Саттон обещал после репетиции, — сказал он. — Пообедаем. Потом узнаем, где его дом.

— Он же собирался принести сюда.

— Собирался. Может, ему тяжело нести все книги.

Рид не стал спорить. Достал из чемодана сухую пару перчаток, посмотрел на них с удовлетворением и положил обратно. В этот раз Нелл прислала список того, что следует взять, и он уступил.

К пяти в церкви зазвонили. Сначала звуки шли неровно, один как будто догонял остальные. Потом порядок установился, и даже человек, не умевший его назвать, слышал, ко-

гда он нарушался. Уитмор стоял у гостиничного окна, затягивая шнурок на папке. На улице остановилась женщина с корзиной, послушала несколько мгновений и пошла дальше.

Рид постучал в дверь.

— Сходим?

— Подождём, пока закончат. Он ещё обещал разобраться с верёвкой.

Инспектор положил папку в ящик, не запирая. Запрос касался человека, которого восемь лет не могли найти. Ему казалось почти неприличным торопить старика из-за получаса.

Глава 2. Свет под лестницей

К шести книга так и не появилась. Хозяин гостиницы, заглянувший принести угля, сообщил, что миссис Талл передавала от Саттона: раньше семи не управится, но придёт обязательно. Весточку оставили ещё до звона, когда она развозила хлеб; полицейские в это время были наверху.

Рид посмотрел на инспектора. Тот сидел над копией старого опроса и уже третий раз исправлял в собственных заметках одно и то же сокращение.

— Мы могли бы сходить, — сказал сержант.

— Он велел ждать.

— Люди часто так говорят, когда им неудобно просить помощи.

Уитмор положил карандаш. Ему не нравилось, что Рид прав; ещё меньше — что возражение хотелось найти именно поэтому.

— Вы знаете, где дом?

— Спросил внизу.

Они начали собираться. Инспектор уже надел пальто, когда в дверь постучали. На пороге стоял полицейский в мокром плаще. Застёжку у горла он перекосил и теперь пытался поправить одной рукой, другой придерживая фуражку.

— Констебль Мосс. Извините, что беспокою. Мне сказали, вы у нас. В церкви человек разбился.

Уитмор взял шляпу.

— Кто?

— Саттон. Звонарь. Доктор уже там. Я только вернулся с площади, меня позвали.

Рид застегнул пальто на ходу. Внизу хозяин спрашивал у кого-то, нужен ли ещё кипяток. Никто не ответил.

По дороге Мосс рассказал то, что успел узнать. Парсонс пришёл в церковь к вечернему собранию, увидел свет внизу башни и нашёл Саттона на лестнице. Позвал людей, послали за доктором. Мосс был на другом конце города; в участок сообщили около двадцати минут назад. Он сходил в церковь, убедился, что помощь уже оказывают, и пришёл за инспектором.

— Падение? — спросил Уитмор.

— Похоже. У них там лестница дурная. Я не полез всех расспрашивать, пока доктор…

Он не договорил. Инспектор не стал требовать окончания.

В притворе пахло ламповым маслом и мокрыми пальто. У той же скамьи, где днём лежала сумка Эллен, теперь стоял таз с водой. Женщина присела рядом и выжимала край полотенца. Рид узнал Марту.

Она подняла голову и сразу отвернулась.

— Не надо туда всем, — сказала она. — И без того натоптали.

В проходе под галереей толпились четверо. Парсонс стоял ближе к башне; его лицо из красного стало серым. За пле-

чом старосты виднелся Латимер. Органист уже надел пальто, но воротник был поднят только с одной стороны. Он держал чужую шапку и, кажется, не знал, кому её отдать.

Уитмор попросил освободить проход. Никто не спорил. Оттого, как охотно люди отступили, стало понятнее, чего они опасались увидеть ещё раз.

Нижнее помещение башни оказалось меньше, чем представлялось по наружной кладке. Слева начиналась каменная лестница. Внутренний край ступеней сужался возле толстого столба, наружный уходил вдоль стены. После нескольких ступеней ход скрывался за изгибом кладки; выше лестница вела к комнате звонарей.

Саттон лежал поперёк нижней части пролёта. Плечо упиралось в камень, ноги оставались выше. Жилет съехал, рубашка у горла расстегнулась. Доктор, стоявший на коленях, обернулся к инспектору.

— Симс. Помочь уже нельзя. Я всё-таки проверил, пока не понял…

Он поднялся с трудом. Мосс подал ему руку.

Уитмор присел у нижней ступени. Днём он смотрел на брови старика и думал, что тот сердится. Сейчас брови остались прежними, а выражения под ними не было. Это оказалось неприятнее самой неподвижности.

На камне возле головы лежал на боку разбитый фонарь. Осмотровая лампа стояла выше, у ноги доктора. Крупные осколки блестели у края ступени, мелкие терялись в тёмном

влажном пятне.

— Его передвигали?

— Проверяли дыхание, — ответил Симс. — Я повернул голову, расстегнул ворот. Парсонс поддерживал плечи. Полностью не поднимали.

— Кто ещё здесь был?

Доктор посмотрел на старосту.

— Когда я пришёл, он и миссис Крейн. Латимер подал свет, потом я попросил всех выйти.

Уитмор отметил положения людей. Саттон лежал в той же одежде, что днём. На носке правого ботинка виднелась светлая потёртость. Масло на камне находилось ниже, возле разбитого фонаря.

В стороне валялась жестяная маслёнка. Её крышка осталась закрытой; носик был обращён к ступеням. Инспектор не стал поднимать её.

— Это его? — спросил он Парсонса.

— Церковная. Он смазывает… Смазывал. Там наверху. Я же говорил ему, не надо одному.

— Сегодня говорили?

Староста потёр щёку.

— Говорил вообще. Всегда говорю.

Мосс расправил плащ, чтобы пройти к наружной двери, но Рид остановил его за локоть.

— Давайте обойдём. Через сухое.

На краю масляного пятна виднелся след подошвы. Не це-

лый отпечаток: носок терялся у края ступени, но узкий каблук и часть наружной стороны можно было различить. Один большой осколок лежал поперёк тёмной полосы.

Сержант наклонился, придерживая полы пальто. Он не стал вынимать стекло, только попросил Мосса посветить сбоку. Свет показал, что рисунок продолжается под прозрачным краем.

— Доктор, вы сюда наступали?

Симс посмотрел на свои ботинки.

— Мог. Я не выбирал место. Но у меня каблук шире. Не считайте это заключением, просто посмотрите.

Каблук действительно выглядел широким и тяжёлым. Рид зарисовал след, рядом отметил осколок и направление лестницы. Мосс назвал людей, которые проходили после обнаружения. Сержант записал их отдельно, не предлагая сразу наступить рядом для сравнения.

— Снаружи дверь была закрыта? — спросил инспектор.

Парсонс открыл рот и снова закрыл.

— Я вошёл через церковь. Снаружи не смотрел.

Мосс прошёл по сухому участку, проверил наружную дверь. Она была прикрыта, но не заперта. За ней темнела узкая дорожка, усыпанная мокрыми листьями. Дальше стояла калитка на кладбище.

Уитмор попросил констебля остаться у прохода, а Рида — найти местного фотографа. Доктору сказал, что хотел бы осмотреть место, прежде чем тело унесут. Симс кивнул, но

посмотрел на холодный камень под стариком.

— Не до утра, надеюсь.

— Не до утра.

Когда инспектор вышел в неф, Латимер протянул ему шапку.

— Его. Нашёл на скамье. Вдруг вам…

Он не закончил, положил шапку обратно. Уитмор отметил место, но к ней не прикоснулся. Совершенно обычная шерстяная шапка с заломленным краем, ещё днём наверняка сидевшая на голове живого человека. Сегодня почему-то все старались отдавать другим его вещи.

— Вы помогали доктору?

— Только лампу принёс. Я уже уходил, услышал Парсонса.

— Из церкви уходили?

— Да. После репетиции остался поиграть. Думал, никого здесь больше нет.

— Когда видели Саттона последний раз?

Латимер посмотрел в сторону лестницы.

— После звона. Он собирался что-то делать наверху. Я сказал, чтобы не задерживался. Мне хотелось запереть западную дверь, там сквозит.

Инспектору показалось, что он старается вспомнить дословно. Иногда так говорили люди, испытывавшие стыд за последнюю мелкую ссору. Иногда — те, кому требовалась заранее приготовленная реплика.

— Вы запираете церковь?

— Не всегда. Сегодня оставался последним внизу. Я так думал.

Марта поднялась с корточек. На её юбке осталось мокрое пятно.

— Последним никто не бывает. Эймос всё равно потом обходит. Ему не нравится, как другие проверяют окна.

Латимер не возразил. Только положил руки в карманы.

Уитмор попросил пока всех остаться. Парсонс сказал, что собрание, разумеется, отменяется, и тут же начал объяснять, кто пришёл бы и кому необходимо передать. Его уже занимало дело, которое можно выполнить. Инспектор дал ему договорить и попросил составить список.

Марта тем временем собирала полотенца.

— Эти оставьте, пожалуйста.

Она замерла.

— Стирать не буду. Только в таз положу.

— Пока пусть лежат, как лежали.

Она выпрямилась, поставила пустой таз у стены и отошла. Несколько мгновений смотрела на ладони. Потом спросила, где можно вымыть руки, раз в этот таз больше нельзя.

В её голосе не было ни почтительности, ни вызова, просто она устала стоять с чужой кровью на пальцах. Уитмор указал на боковую дверь, откуда привели воду. Она пошла туда, не дожидаясь провожатого.

Фотограф приехал на велосипеде и сердился, что трясётся

сумка с камерой. Увидев башню и открытый проход, перестал сердиться. Рид помог поставить лампы. Снимали общий вид, ступени, фонарь, маслёнку и участок следа со стеклом. Инспектор следил, чтобы никто не сдвинул крупный осколок, пока его положение не будет зафиксировано.

После этого доктор с помощниками подняли тело. Под ним остались тёмные следы, которые раньше нельзя было видеть. Уитмор отметил их на плане; Рид подписал рядом время. Подвижность старика ещё утром казалась назойливой, почти раздражала. Теперь несколько взрослых людей осторожно передавали друг другу его вес и извинялись, если мешали.

Парсонс отвернулся.

— Мне надо его племяннице сказать. Она в Челтнеме. У меня адрес есть.

— Сначала дайте адрес констеблю, — сказал Уитмор. — И скажите, где дом Саттона. Там кто-нибудь есть?

— Никого. Он один с тех пор, как Мэй умерла. Соседка присматривает. Не родственница.

Доктор накрыл лицо. Инспектор вышел вместе с ним, чтобы спросить о дальнейших действиях без остальных.

— Это могло быть обычным падением?

Симс устало посмотрел на проход.

— Могло. Пока. Он тяжело ударился, но вы сами видите лестницу. Я не стану обещать больше, чем смогу проверить при исследовании.

— А вы знали его здоровье?

— Знал, что от совета не лазить наверх он злился больше, чем от боли в колене. Предлагал прислать молодого помощника. Он спросил, пришлю ли я вместе с помощником его слух. На том разговор и кончился.

Доктор натянул перчатку, потом остановился.

— Он к вам должен был прийти?

— С книгой.

— Вот как. Значит, не хотел подвести. Человек мог забыть поесть, но чужую просьбу потом таскал с собой весь день.

Уитмор поблагодарил. Он пока не знал, относились ли просьба и смерть к одному делу, и не желал отвечать так, будто уже решил.

К девяти церковь опустела. На дверь башни поставили охрану; наружный проход тоже закрыли под запись. Остальные могли уйти, оставив адреса и первоначальные рассказы. Латимер забрал сумку из-под скамьи, надел шляпу. У выхода его ждала Эллен, запыхавшаяся, с красными щеками.

— Папа, мне сказали…

Он обнял её за плечи и повёл на улицу. Она смотрела через плечо на тёмный проход, пока дверь не закрылась.

Рид остался возле доски с расписанием. Печатное время внизу не совпадало с тем, которое исправили от руки. Сержант сфотографировал бы оба листа, но фотограф уже собирал камеру; пришлось снова попросить задержаться.

— Вы думаете, дело в расписании? — спросил Уитмор.

— Пока думаю, что завтра его заменят. Бумага-то для дела не написана, люди просто работу продолжают.

Инспектор кивнул и подождал у скамьи.

В гостинице им подали остывший ужин. Хозяин спросил, нужно ли оставить комнату для ещё одного человека; он всё ещё ждал Саттона и не понял до конца услышанного от возчика. Рид покачал головой.

Уитмор сел. Напротив него лежала чистая салфетка, приготовленная на случай, если старик останется поесть после своих книг. Инспектор сложил её и отодвинул.

В этот вечер искать Элеонору больше не получилось.

Глава 3. Шесть верёвок

В субботу Рид проснулся от запаха хлеба и некоторое время не мог понять, почему ему от этого тревожно. Потом вспомнил миссис Талл, мокрые ветки в церкви и шапку на скамье. Встал прежде, чем в дверь принесли горячую воду.

Уитмор уже ушёл к Моссу. На столике оставил записку: к девяти в церкви. Сержант посмотрел на часы и решил, что успеет зайти в пекарню. Накануне Агнес Талл не было среди тех, кого он видел у лестницы. Она звонила вместе с Саттоном и передавала его просьбу в гостиницу. Две причины поговорить, не считая завтрака.

Лавка оказалась открыта, но у прилавка никого не было. Рид позвал. Из задней комнаты ответили:

— Если калач, сами берите. Деньги не под пирог, я потом забываю.

— Сержант Рид. Я хотел…

— Тогда минутку. У меня печь, у вас подождёт.

Он подождал. На подоконнике стояла кружка с засохшей мукой у ручки. В витрине коробочки со свечными формами уже не было; видно, отправили благополучно. Рид порадовался этой маленькой удаче совершенно чужой женщины и сам себе удивился.

Агнес вышла, держа противень через сложенное полотенце. Сдвинула хлеб на доску, отставила железо и только после

этого повернулась к нему.

— Сказали мне вечером. Что там случилось?

— Мы выясняем. Вы когда ушли из церкви?

— После звона. Сразу. Мальчик в лавке один оставался, ему нужно было домой.

— Долго звонили?

— Для пятницы мало. Перенесли на раньше, потом всем разойтись надо. У Парсонса собрание, у музыкантов дети. Эймос ругался, что звонарям всегда достаётся оставшееся время.

— Он остался наверху?

— Когда я пошла — да. С Дэниелом ещё говорил. Потом не знаю.

Она взяла со стойки нож и срезала край подгоревшей корки.

— Он не должен был один лазить. Я ему говорила.

— Часто?

Агнес перестала резать.

— Теперь, конечно, каждый скажет, что говорил. Я два раза. Он оба раза ответил, что колокола от советов не легчают.

Рид записал. Женщина следила за пером, потом отвернулась к хлебу.

— В гостинице просил передать, что придёт к семи. Это до репетиции было, вы мне не путайте. Я заносила хлеб. Потом сюда, переоделась, в церковь. В рабочем фартуке наверх

не хожу.

— Кому передали?

— Хозяину. Он ящик принимал, крикнул наверх, но, видимо, вы не услышали.

Сержант вспомнил, как наверху сердился на отсутствие старика. Сообщение могло всё это время ждать за закрытой дверью.

— А после звона вы сразу пришли сюда?

— Да. Мальчик встретил у двери. Сказал, постовой заходил, хотел булку, не нашёл мелочи. Это ваш Мосс. Я потом ему отложила. Так и лежит.

На полке под счётом действительно стояла небольшая буханка в бумаге, на которой написали фамилию констебля.

— Он во сколько заходил?

— У мальчика спросите. Я не видела. Но когда вернулась, ещё рано было. Успела до очереди из мастерских. В половине шестого они выходят. Иногда раньше, если хозяина нет.

Она назвала, где найти помощника, и спросила, можно ли вечером запереть лавку как обычно. Рид сказал, что да, только пусть оставит адрес, если собирается уйти из дома.

— Я над лавкой живу. Если вы надумаете прийти на рассвете, стучите сзади. Спереди не слышно.

Она завернула калач и положила перед ним.

— Вы ведь хотели сначала это.

Рид достал мелочь. В этот раз нашлась ровно нужная сумма.

В комнате звонарей было тесно от людей и вещей. У одной стены стояла длинная скамья, над ней висели фотографии прежних составов. Под каждой — фамилии и годы. На самой старой мужчины сидели в одинаковых тёмных костюмах, держа шляпы на коленях. На следующей кто-то уже улыбался. Последняя, ещё не вставленная в раму, лежала на столе рядом с графином воды.

Верёвки отведены к стенам. Никто их не трогал. Уитмор стоял возле окна; Мосс держал лист с именами. Инспектор успел осмотреть лестницу до того, как сюда пустили остальных, и теперь собирался выяснить обычное устройство комнаты. Вниз и наружу по-прежнему проходили только с разрешения.

Стэнли Венн первым объяснил, кому принадлежало каждое место. Он показывал карандашом, стараясь не подойти к верёвкам слишком близко. Элис Беннетт остановила его на втором имени.

— Здесь я. Вы опять справа считаете.

— Я считаю от двери, как человеку понятно.

— Но стояли вы у окна.

Венн посмотрел на полицейских и опустил карандаш.

— Место, значит, первое. Я — второе. Потом Фёрт. Агнес — четвёртая, Хоббс — пятый. Эймос держал большой.

— По одному человеку на каждый? — спросил Уитмор.

— Когда звоним всем составом. Иначе никуда. Это же не дёрнул и слушаешь.

Элис добавила, что можно звонить меньшим числом колоколов, но вчера состав был полный. Пятеро живых подтвердили присутствие шестого. Саттон задавал перемены, поправлял опоздавших и к концу опять рассердился на Хоббса.

Возчик в ответ широко развёл ладони.

— Я запоздал один раз. А он потом каждую мою ошибку на этот раз записывал. Даже если ошибался не я.

— Он узнавал, — сказала Агнес.

— Теперь уж спросить не у кого.

После этих слов все замолчали. Хоббс поправил ворот рубашки и отошёл к фотографии на столе.

Рид посмотрел на верёвки. Вчера они оставались наверху, пока внизу несколько людей пытались удержать голову Саттона на полотенце. Сейчас привычные вещи снова требовали своих хозяев. Сержант заметил у большого окна вытертый дощатый участок пола; человек стоял там годами, перенося вес с одной ноги на другую.

Дэниел Фёрт держался отдельно. На нём был чистый пиджак, однако на одном рукаве белела древесная пыль. Он всё время сдвигал правую ладонь в карман и вынимал, будто проверял наличие маленького предмета.

— Мистер Фёрт, вы остались с Саттоном после репетиции? — спросил инспектор.

— Недолго.

— О чём говорили?

— О ремонте.

Парсонс, стоявший в дверях, шумно вдохнул.

— Вот именно. Ремонт давно следовало закончить.

— Тогда говорили бы со мной раньше, — ответил юноша.

— Я говорил. Деньги получены…

— Мистер Парсонс, — перебил Уитмор. — О расходах отдельно. Сейчас я спрашиваю о вчерашнем разговоре.

Фёрт посмотрел на пол. На лице у него выступили красные пятна.

— Спросил, принесу ли доску в субботу. Я сказал, принесу. Он велел не оставлять на кладбище под дождём. Вот и всё.

— Вы ссорились?

— С ним всегда будто ссоришься. Он по-другому не умеет.

Элис повернула голову, словно хотела возразить, но не стала. Рид записал ответ без добавления, что юноша говорил сердито. Все сегодня говорили иначе, чем вчера.

Венн тем временем вернулся к расписанию. Он принёс из лавки экземпляр приходского листка и показывал, что печатное время совпадает с наружным объявлением.

— Я наизусть его знал. Половина шестого. Поэтому и не понял, когда Элис велела прийти раньше. У меня покупатель был.

— Но пришли раньше? — спросил Рид.

— Пришёл. Она сказала, все уже знают.

— А вы как узнали? — обратился сержант к Элис.

— Мисс Коул передала записку в среду. Ближе к вечеру. Попросила обойти тех, кого увижу. Детям она сама написала, родителям тоже.

— Почему перенесли?

Парсонс поднял руку, хотя его никто не просил ждать очереди.

— Собрание в шесть. Требовалось убрать после хора. Звон тоже решили начать раньше, чтобы дети могли спокойно репетировать. Прежде накладывалось, Латимер жаловался. Всё обыкновенно.

— А наружное объявление?

— Не успели заменить. В новый листок войдёт. Исправлять на стекле не хотелось, неаккуратно.

Агнес медленно повернулась к старосте.

— Внутри чернилами наискось аккуратно, а снаружи нельзя?

Парсонс промолчал. Уитмор попросил передать полиции оба варианта и отдельно указать, кто кому сообщал об изменении. Рид пометил, у кого позже уточнить время ухода.

Разговор о Саттоне выходил то злым, то жалостливым. Хоббс вспомнил, как старик однажды запер его шапку за неверную верёвку. Венн сказал, что Саттон никогда не опаздывал на похороны, даже когда никому не платили. Элис заметила, что это зависело от того, к чьим именно похоронам его звали. Агнес попросила не начинать.

— Почему его называют последним звонарём? — спросил

Рид. — Вас же шестеро.

Венн показал на старую фотографию.

— Последний из тех. При прежнем настоятеле. Он на этих снимках везде есть. Вот здесь ещё мальчишка, видите?

Рид приблизился. У крайнего окна сидел молодой мужчина, в котором уже можно было узнать Саттона по длинному носу. Рядом стояла женщина с корзиной, попавшая на фотографию случайно. Она смотрела не в камеру, а на кого-то за краем кадра.

— Мэй, — сказала Элис. — Она им чай приносила. И ругала, если пол пачкали.

Инспектор посмотрел на подпись, не касаясь рамы. Год не имел отношения к Вейл: снимок был значительно старше. Всё же он несколько секунд разглядывал лицо женщины, книгу которой так и не дождался.

Состав отпускали по одному, чтобы Мосс записал адреса и договорился о дальнейших встречах. Фёрта попросили задержаться. Парсонс тоже остался, однако инспектор отправил его вниз прежде, чем продолжить с молодым столяром.

— Не хочу снова при всех, — сказал Дэниел. — Мне и так…

Он вытянул из кармана маленький складной метр и тут же убрал обратно.

— По ремонту поговорим, — ответил Уитмор. — Сейчас скажите: Саттон после вашего ухода собирался спускаться?

— Остался за столом. Сказал, надо дописать. Потом

убрать. Я спросил, не нужна ли помощь. Отказался.

— Писал в книгу?

— На листке. Не в книге. У него тетрадь была, куда для рождественской брошюры записывал. Он истории собирал — кто тут раньше звонил, кто чего построил. Уж лучше бы давно про верёвки написал, пользы больше.

— Этот лист вы читали?

— Нет.

Ответ вышел слишком поспешным. Уитмор не повторил вопрос, а попросил показать, где Дэниел стоял, когда разговаривал со стариком. Юноша указал место у двери. Оттуда до стола было несколько шагов, а свет падал с другой стороны. Разглядеть текст, не приблизившись, было бы трудно.

Они записали это и отпустили Фёрта с просьбой принести договорённости о ремонте. Он ушёл, не попрощавшись с Парсонсом, который ждал на лестнице.

Рид остался у фотографий. Ему хотелось пересчитать лица, найти одного из тех, кто ещё мог бы рассказать о Мэй. Уитмор, словно заметив, сказал, что с домом пока подождут: констебль выясняет порядок доступа и разыскивает племянницу.

— Мы опять не открыли книгу, — произнёс сержант.

— Откроем. Когда это можно будет сделать правильно.

Рид опустил карандаш. Спорить не хотелось, но от слов «правильно» и «позднее» за последнее время он устал не меньше, чем от холодной воды в гостиницах.

Во дворе их догнала Мириам Коул. Она несла школьные тетради и остановилась, не зная, можно ли начать разговор без приглашения.

— Мне нужно сказать про вчерашний вечер. Я проводила детей. После репетиции. Их иногда забирают у ворот, а вчера почти все пошли вместе. Хочу, чтобы это не забыли, если родителей станут спрашивать.

— Кто остался с Латимером? — спросил Рид.

Мириам посмотрела на него внимательнее.

— Где?

— В церкви.

— Он занимался своим. Я собирала вещи, ходила к воротам, потом ещё возвращалась. Мы не сидели все вместе до самого закрытия.

Она переступила с ноги на ногу. Одну тетрадь держала перевёрнутой, и Риду захотелось её поправить. Не стал.

— Вы играете? — спросил он, заметив между обложками нотный лист.

— Да.

— Я думал, вы только с детьми.

— С детьми я тоже играю, сержант. Они ведь не сами подбирают себе аккомпанемент.

Она сказала это сухо. Рид почувствовал, что промахнулся, и извинился. Мириам кивнула, не смягчаясь, спросила, когда ей лучше прийти для подробной записи. Договорились на следующий день в гостинице.

У ворот стояла Марта. Увидев полицейских, она отступила в сторону, пропустила учительницу и дождалась, пока та отошла достаточно далеко.

— Вы у меня вчера про него ничего не спросили, — сказала она Уитмору.

— Сегодня хотел прийти.

— Я знаю, все хотели. У него всегда кто-нибудь потом собирался прийти.

Она вынула из сумки сложенный лист. Держала его за середину, не расправляя, как держат плохо выстиранную вещь, которую всё равно придётся показать.

— Он просил меня вечером вернуться. Вот. Я и вернулась. Только Парсонс уже кричал.

Уитмор предложил пройти в притвор, где не дуло. Марта согласилась. Лист оказался короткой запиской Саттона. В ней он просил поговорить после репетиции и сообщал, что разговор касается Майкла.

— Кто такой Майкл?

Женщина посмотрела на инспектора. Он понял, что она рассчитывала обойтись без этого вопроса: в городе, где все знали её сына, не нужно было произносить, кем он ей приходился.

— Мой мальчик. Пять лет как на дороге погиб. Эймос тогда сказал, что ничего не видел. А теперь написал — нужно поговорить.

Она вытянула руку за листком, потом вспомнила, кому от-

дала, и медленно опустила её.

— Скажите, если знаете. Такое разве забывают? А потом вдруг вспоминают?

Глава 4. Книга Мэй Саттон

У Марты Крейн на подоконнике лежали мужские запонки. Две простые круглые запонки на выцветшей тесёмке; рядом — катушка ниток и раковина, привезённая откуда-то с моря. Уитмор заметил их, пока женщина освобождала стол. Не спросил, чьи.

— Это Майкловы, — сказала она сама. — В воскресенье надевал. Будни в такой рубашке дорого стирать.

Она переложила запонки на катушку и придвинула полицейскому стул. Рид остался у двери, чтобы не загромождать маленькую комнату. Марта сердито предложила сесть и ему.

— Вы мне так всё время выход загораживаете. Кипяток понесу, ещё оболью.

Он сел.

Записка Саттона лежала перед инспектором. Марта согласилась временно передать её полиции, но попросила копию. Не потому, что не доверяла: ей нужно было ещё раз прочитать, когда в комнате не будет чужих людей.

— Он отдал в четверг, — сказала она. — Тут, на улице. Окликнул и сунул. Я спросила, чего ему не говорится сейчас, он ответил: сейчас не время. Вечно у него не время.

— Вы прежде говорили с ним о сыне?

— После того, как случилось. Потом редко. Он говорил, что не знает ничего. Дорога тёмная, машин много. Какие там

машины ночью…

Она поджала губы. Затем, словно вспомнив что-то неприятное о собственной точности, добавила:

— Не совсем ночью. Вечером. Я всё называю ночью, потому что меня уже разбудили, когда пришли.

Майкл шёл домой по дороге со стороны станции. На следующий день должен был работать. До дому оставалось немного. Его нашли у обочины; водитель, сбивший его, не остался. В газете написали о происшествии, полицейские расспрашивали людей в окрестных домах, но человека за рулём не установили.

— Саттон был среди опрошенных?

— Да. Возвращался от какого-то дела за станцией. Он умеет всё чинить, его раньше по всему району звали. Говорил, что прошёл до того, как случилось.

— У вас сохранилось что-нибудь? Газета, письма из полиции?

— Всё.

Марта сказала это сразу. Встала, отодвинула низкий комод от стены и вынула из-за него плоскую коробку. На крышке не было надписи. Она подняла её с такой осторожностью, словно содержимое могло перемешаться даже от дыхания.

Уитмор не стал предлагать помощь.

Газетная вырезка называлась «Водитель разыскивается». Марта объяснила, что первые дни перечитывала каждое утро. Потом перестала. Знала, где какое слово, и всё равно

казалось, что может появиться новое.

Рид спросил дату. Женщина назвала двадцать второе октября двадцать седьмого года и взглянула на него с настороженностью: он тоже собирался записать и унести.

— Мы запросим прежние материалы, — сказал инспектор.

Она кивнула, не поблагодарив.

— Майкл не был святым, если вы начнёте спрашивать. Деньги иногда тратил, где не надо. Мог вернуться поздно. Но в тот вечер шёл домой. Пешком. Мне потом говорили, может, сам под машину попал. Так удобно: раз никто не остался, значит, виноват тот, кто уже не скажет.

— Кто вам это говорил?

— Не стану фамилии перечислять. Сначала пусть их слова из головы уберутся, потом я ещё раз всё повторю — нет уж.

Инспектор записал только то, что относилось к происшествию. Марта следила. Когда он остановился, подвинула коробку подальше от края.

— Эймос мне после смерти Мэй одежду приносил стирать. Я брала плату. Вы, если услышите, будто он помогал бедной Марте, не верьте. Работу приносил. Я делала.

— Слышали такое?

— Здесь всё так называют, если одному неловко взять, а другому приятно дать. Мы с ним из-за этого и ссорились. Он иногда переплачивал, а потом сердился, что возвращаю.

Рид посмотрел на запонки. Застёжки были слишком

обычными, чтобы о них спрашивать, и слишком старательно сохранёнными, чтобы забыть. Он подумал о Нелл, которая недавно отдала в мастерскую его старую рубашку на тряпки, заранее предупредив, что плакать по ней не станет. Ему вдруг захотелось услышать её голос.

— Он написал «касается Майкла», — продолжила Марта, глядя на записку. — Я всё думала, нашёл человека. Или вспомнил номер. Но почему не пошёл в полицию? Почему меня позвал?

— Этого мы пока не знаем.

Она потёрла лоб и отодвинула чашку, к которой не притронулась.

Уходя, Уитмор попросил оставить коробку в том виде, в каком она была, до копирования нужных бумаг. Марта согласилась. У самой двери протянула ему старый почтовый конверт с именем полицейского, который вёл дело.

— Может, он ещё служит. Тогда ему меньше объяснять придётся.

Инспектор взял конверт и пообещал выяснить.

На улице Рид расстегнул пальто: в маленькой комнате было натоплено слишком жарко, и теперь холодный воздух неприятно лип к спине.

— Значит, не только из-за лестницы, — сказал он.

— Возможно, не из-за лестницы вообще.

Уитмор остановился возле поворота. Он не хотел менять одну поспешную догадку на другую, однако записка, на-

писанная накануне смерти, требовала другого разговора со всем приходом.

Мосс ждал у гостиницы. С ним приехала племянница Саттона — Роуз Харпер. Невысокая женщина в коричневом пальто прижимала сумку к животу обеими руками; заметив, как крепко вцепилась в ручки, переложила её в одну руку и, кажется, разозлилась на себя.

Она приехала из Челтнема. Муж остался с детьми. Водителя одолжили у знакомых, и ему нужно было возвращаться до темноты. Роуз спрашивала о дяде коротко, без подробностей. Когда Уитмор объяснил, что требуется посмотреть его дом и сохранить бумаги, она согласилась и попросила не заставлять её сейчас разбираться с похоронами при водителе.

— Он не посторонний, — сказала она. — Просто я пока не могу всё это произносить.

Мосс отвёл водителя поговорить о дороге. Инспектор рассказал только необходимое, после чего они пошли к дому Саттона. Холодно было так, что Роуз дважды роняла перчатку, пытаясь убрать сумку под руку.

Дом стоял за поворотом к станции. Перед дверью рос голый розовый куст, привязанный к стене полосками ткани. У ступеньки был отбит угол. Рид заметил, как Роуз привычно переступила его, не посмотрев вниз.

Ключ принесла соседка, миссис Пембертон. Она приходила присмотреть за печью, если Саттон задерживался, но после сообщения о смерти не входила: Мосс просил подождать.

Роуз взяла ключ, открыла дверь и сразу сказала:

— Он опять ничего не ел.

На столе стояла тарелка, прикрытая другой тарелкой. Хлеб засох по краям. Возле камина сохла одна пара носков, второй на верёвке не было. На спинке стула лежал шарф, аккуратно свёрнутый вчетверо, — чужая привычка среди беспорядка последних двух дней.

— Тётя так складывала, — сказала Роуз. — Он всю жизнь её дразнил. А теперь сам.

Она прошла в кухню, подняла полотенце с чистой посуды и положила обратно. Ни одну вещь не удавалось взять без необходимости решить, куда её девать дальше.

Полицейские начали с описания комнат и бумаг, пока племянница могла показать обычные места хранения. Рид вносил предметы в список, Уитмор осматривал стол. Констебль оставался у входа, записывая, кто и куда проходит.

В доме не было следов спешного поиска. Открытые ящики, как объяснила Роуз, оставались открытыми ещё при жизни тёти: направляющие разбухли, дядя всё собирался чинить, для соседей время находил, для себя — нет.

— Он ведь плотник? — спросил Рид.

— Вот именно.

Роуз коротко улыбнулась и тут же отвернулась.

Соседка постучала в открытую дверь. Принесла полотенце, которым накануне завернула ключ, и сама же посмеялась над тем, что от ключа теперь осталось полотенце.

— Я искала, куда его положила. Увидела и опять к вам пошла. Вы ведь на ночь здесь будете, Роуз?

Племянница посмотрела на кухню.

— Не знаю. Нужно остаться, наверное. В гостинице как будто неудобно.

— В гостинице удобнее, если печь не топили. Не решайте из-за того, что я спросила.

Миссис Пембертон не перешла порога, пока Мосс не кивнул. Рид записал время её входа. Женщина заметила запись и спросила, нужна ли фамилия полностью: на соседнем участке жила дальняя родственница мужа с такой же. Мосс ответил, что знает адрес, но всё-таки записал дом. Пембертон успокоилась. Порядок ей нравился, если не приходилось угадывать, какой именно.

Роуз предложила поставить чайник. Соседка спросила, есть ли уголь; сама заглянуть не пошла. На этом осторожном воздержании от привычных движений Рид впервые понял, как часто она бывала в доме. Знала, в какой шкаф нужно потянуться за совком, но теперь ждала разрешения даже там, где чужой человек давно действовал бы без вопроса.

— Вы видели мистера Саттона вчера? — спросил Уитмор.

— Утром. Он вышел со свёртком к церкви. Я сказала, что в доме окно открыто. Он ответил, что проветривает. Я предложила закрыть к обеду, а он сказал, не нужно, сам вернётся. Не вернулся, а я забыла. Потом весь вечер думала про это окно, пока Уолтер не сказал подождать у себя.

— Где окно?

— В задней спальне. Вот здесь.

Вместе посмотрели: створка была прикрыта, на крючке оставалась щель. Следов взлома не заметили. Уитмор отметил сообщение, не превращая его в самостоятельный путь преступника. Мосс проверил крючок и оставил створку как была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.